

Хотя в сердце Орвицки и зародилось подозрение относительно директора, он не рассматривал его как главного подозреваемого. Зачем директору травить своих учеников? На данный момент это казалось совершенно бессмысленным. К тому же, сейчас нужно было решать насущную проблему.

- Господа, дамы, я думаю, вы знаете, что трое юношей покинули этот мир, – такая апатия никуда не годилась, и Орвицка решил их взбодрить. – Я – посторонний, прикомандированный для расследования полицейский. Даже если я ничего не найду, я могу просто умыть руки и уйти. Но если в итоге родителям так и не представят убийцу, им ведь придётся найти кого-то, на кого можно будет излить свою ненависть и жажду мести, не так ли?

То, что они были подавлены из-за своего бесперспективного будущего, было понятно. Но когда Орвицка упомянул троих погибших детей, они никак не отреагировали. Никто не взглянул на него, никто даже не моргнул, не говоря уже о проявлении скорби. Это было ненормально.

Даже если прошло уже несколько дней, или погибшие дети редко бывали в медпункте и у них не было с ними особых отношений, хоть кто-то должен был бы выказать сочувствие. Но ни один из них не дрогнул... Это что, все врачи и медсёстры здесь такие хладнокровные, или с теми тремя детьми было что-то не так?

Когда Орвицка перешёл к сути дела, указав на серьёзность ситуации, они наконец-то отреагировали.

- Кто мог такое предположить? – обиженно произнесла молодая медсестра.

- Действительно, никто не мог предположить, я вас прекрасно понимаю. Но родители, потерявшие своих детей, не всегда руководствуются разумом.

- ...

Орвицка не обманывал их, и они сами это понимали лучше него. Поэтому: боритесь за свою жизнь, господа и дамы.

- Хорошо, пожалуйста, передайте мне истории болезни, спасибо, – Орвицка протянул руку.

Он быстро получил истории болезни из медпунктов Музыкального, Художественного, Литературного крыльев и общежития.

Каждая история болезни состояла из двух тетрадей, каждая за месяц, то есть за весь сентябрь и за первые десять дней октября. Орвицка, держа эти истории болезни, положил их на стол и, стоя, быстро просматривал, время от времени оборачиваясь и задавая вопросы.

На каждой странице сверху стояла подпись дежурной медсестры, а ниже – таблица. В таблице были графы: имя, класс, время приёма и диагноз.

Очень просто, но достаточно ясно.

В начале сентября пациентов было мало, в основном с лёгкими травмами вроде царапин и ушибов. К середине сентября Орвицка увидел первого простудившегося ученика – Шероса Табина.

Этот ученик был из четвёртого "А" класса, того самого, где было двое погибших.

Орвицка записал его имя в свой блокнот.

Продолжая просматривать записи, он увидел, что в конце сентября количество простудившихся резко возросло. Раньше мог не быть ни одного пациента за день, а теперь в записях ежедневно фигурировало от трёх до пяти учеников, и... в основном это были ученики четвёртых и пятых классов. Просмотрев все восемь тетрадей, он нашёл всего четырёх простудившихся из других классов.

Тот самый Шерос Табин появлялся в медпункте каждые два дня. Записи показывали, что первого октября он уехал домой лечиться из-за слишком сильной простуды.

Однако Орвицка не нашёл в списке простудившихся имён троих погибших. После того как ученики четвёртых и пятых классов "переболели" по кругу, с ними всё было в порядке. Но когда дошла их очередь, все трое скончались.

- В этих записях указана только простуда, без подробных симптомов?

- Нет, - покачали головой медсёстры.

- Тогда скажите, пожалуйста, вы помните, какие симптомы простуды были у этих учеников? Насморк, чихание, температура, или головная боль, ломота в теле, покраснение лица, судороги, мышечная боль?

- Слишком давно это было, мы всё забыли, - снова покачали головой медсёстры.

- А то, что ученики четвёртых и пятых классов в конце сентября так часто болели, не вызвало у вас подозрений? - спросил Орвицка.

- Уже наступила осень. Каждую весну и осень у нас болеют ученики, в этом году просто немного больше, - сказал один из врачей.

- Скажите, пожалуйста, этот Шерос Табин, который уехал домой, ещё не вернулся?

- Его уже нет в школе, как он может быть связан с отравлением? - снова вмешался тот самый заместитель начальника.

- Он вполне может быть первой жертвой, и тогда мы сможем найти у него больше улик.

- Не знаем, мы знаем только, что он уехал домой.

Орвицка отложил истории болезни и вздохнул. Они выглядели подлинными: подписи учеников были разными, цвет чернил периодически менялся, были и следы от стаканов. Вряд ли это подделка.

Реакция медсестёр и врачей была явно чрезмерной. Они боялись стать козлами отпущения, боялись, что родители учеников обвинят их в несвоевременном обнаружении отравления, боялись ужасной мести, поэтому теперь просто играли в молчанку, на все вопросы отвечая "не знаю".

- Начальник Надевей, пожалуйста, выведите всех своих людей. Всех. Гасия, Анка, вы тоже выйдите.

Надевей решительно направился к выходу, заместитель начальника, скривив губы, тоже вышел. Разумеется, Далиан и Анка остались снаружи охранять дверь.

- Дамы, господа, я должен сказать, что ваше молчание не освобождает вас от ответственности. Замолчите! Сначала выслушайте меня! – увидев, что кто-то открыл рот, чтобы возразить, Орвицка прервал его криком. – Во-первых, вы поставили неверный диагноз! Во-вторых, эта повторяющаяся и тяжёлая болезнь, ограниченная узким кругом лиц, – даже я заметил, что здесь что-то не так! Почему вы, профессионалы, этого не увидели?! Сейчас не время пытаться свалить с себя ответственность! Вы несёте ответственность! Если вы и дальше будете играть со мной в "игры", скрывать и уклоняться от ответов, то, как я уже говорил, исход дела не имеет для меня прямой выгоды! Но для вас – имеет!

- ...

Никто больше не возражал. Орвицка уже дважды предельно ясно всё объяснил. Но никто и не заговорил. Многие опустили головы, то ли задумавшись, то ли просто впав в ступор.

Орвицка оторвал от своего блокнота два листа и начал рвать их на полоски.

Звук рвущейся бумаги резал слух. Как раз когда кто-то не выдержал и хотел его остановить, Орвицка снова заговорил:

- Все сюда, тяните жребий.

Все: "??"

Хоть и было непонятно, все послушно подчинились.

- Смотрите на свои номера. Сейчас номер один остаётся, остальные выходят, – Орвицка надеялся, что индивидуальная беседа поможет им расслабиться. Даже если кто-то из них, с чёрными мыслями, воспользуется случаем, чтобы отомстить другим, это хотя бы сдвинет дело с мёртвой точки.

Номером один оказалась полноватая медсестра лет тридцати. По сравнению с другими, она была более спокойной:

- Мне нечего вам сказать, господин.

- Вы замужем, сударыня? – спросил Орвицка.

- Конечно! – этот вопрос, казалось, оскорбил медсестру.

- И у вас есть дети, верно? – Орвицка задал вопрос, зная ответ. В районе Хикклин женщина такого возраста не могла быть не замужем, а в аристократической школе Хикклина она, само собой, должна была быть "полноценной".

Медсестра плотно сжала губы:

- Я знаю, что вы хотите сказать, но мои семейные дела вас не касаются. Или вы меня запугиваете?

Она даже не дала Орвицке договорить и вышла.

Следующим был номер два, врач. Он был более изворотливым, чем медсестра, постоянно улыбался, но на все вопросы Орвицки отвечал: "О, простите, я всё время был в главном корпусе, ничего не знаю".

Если бы так вели себя один-двое, Орвицка бы ещё понял. Но оказалось, что все, хоть и по-разному, но явно отказывались сотрудничать. Они ответили лишь на несколько разрозненных вопросов Орвицки: в тот день, до того как состояние некоторых учеников ухудшилось, то есть до появления судорог, бреда и галлюцинаций, за больными с обычной простудой могли ухаживать их личные слуги. Это означало, что и в будние дни в школе оставались слуги.

Они заверили, что еда, которую проверяли другие врачи извне и полиция, была той же, что и ели ученики в обед. Они ничего не меняли, и ученики действительно отравились не из-за обеда.

Они не делали различий между больными учениками, все получали одинаковое лечение. Даже те трое, которые раньше были совершенно здоровы, после того как пожаловались на недомогание, были немедленно помещены в медпункт и получили лечение.

Кроме того, они не могли точно определить время отравления ни у одного из учеников, потому что все обращались в разные медпункты: кто-то сам приходил, почувствовав недомогание, кого-то приводили одноклассники, а кого-то – учителя. Трех погибших привели их одноклассники.

После того как вышла последняя медсестра, Орвицка позвал начальника Надевея.

- Вы что-нибудь обнаружили?

- Во-первых, без сомнения, они сговорились. Вероятно, и другие в школе сговорились, так что от них тоже вряд ли что-то удастся узнать. Во-вторых, они что-то знают, не уверен, связано ли это с делом, но я уверен, что это связано с погибшими. В-третьих, они выглядят напуганными, но на самом деле не боятся потерять работу. В-четвёртых, директор, похоже, тоже не боится потерять работу.

Орвицка выложил всё как на духу Надевею. Тот внимательно обдумал каждый пункт.

Медсёстры и врачи сговорились, другие тоже сговорились... Лицо Надевея слегка покраснело. Недавно он говорил Орвицке, что запереть этих людей в школе – самое правильное решение, и вот теперь его слова обернулись против него.

А пункты два, три и четыре на самом деле указывали на одно и то же – за ними кто-то стоит, кто-то, кто дал всем гарантии, что они останутся невредимы.

- Это невозможно, – лицо Надевея из красного стало мрачным. – Я не сомневаюсь в вас, я говорю о тех мерзавцах! Они что, думают... что их действительно не привлекут к ответственности? Сейчас их защищаю я! Человек, который может обеспечить им безопасность в школе, – это я!

Надевей был в ярости. Это он успокоил разъярённых родителей. Иначе, зная характер хикклинцев, кто-нибудь уже бы ворвался в школу с ружьём и перестрелял всех взрослых, будь то священник или слуга!

Если бы у него просто украли заслугу, Надевей не был бы так зол. Хуже всего то, что этот человек, пользуясь его заслугой, успешно повлиял на всю школу, заставив их молчать, что серьёзно мешало расследованию.

Но он не мог кричать об этом в присутствии Орвицки, это было бы унижительно для него самого.

- Я знаю, что делать. У вас есть ещё что-нибудь?

- Пока не отпускайте медсестёр и врачей. Найдите им большую комнату и попросите немного подождать. У меня, скорее всего, ещё будут к ним вопросы.

Надевей кивнул:

- Нельзя же им всё время наслаждаться.

- Кстати, те слуги, их строго держали в северном корпусе, они ни с кем в школе не общались?

- Я и несколько детективов их допрашивали, но они действительно ни с кем в школе не общались. Мы следили за ними очень строго.

- Включая слуг троих погибших?

- Да, я сейчас же их приведу, - Надевей тут же понял, что имел в виду Орвицка.

- Спасибо. Когда приедут медсёстры и врачи извне, тоже сообщите мне.

- Конечно.

Надевей ушёл, а Далиан и Анка вернулись.

Орвицка развёл руками и рассказал им о том, с чем столкнулся.

- Не хочешь поговорить с директором наедине? - предложил Далиан, выслушав его. - Тот, кто заставил всех молчать, скорее всего, и есть священник. В условиях карантина он - самый влиятельный человек, только он мог убедить всех.

- Я тоже так думаю, но если это так, он тем более ничего не скажет. Сейчас все молчат, и их ответственность - это только врачебная ошибка. А если они заговорят, то всплывут другие проблемы, и это будет уже серьёзное должностное преступление, - Орвицка помолчал и добавил: - Я не понимаю, что такого пообещал директор тем медикам, что они тоже молчат. Ведь именно они должны были бы хотеть, чтобы это дело раздули.

Сейчас ответственность лежала только на врачах и медсёстрах. Если бы они вовлекли всех остальных, это не то чтобы разделило бы ответственность, но по крайней мере сделало бы их менее заметными. А если бы выяснилось, что учителя или кто-то ещё знал, но молчал, то их вина была бы ещё меньше.

- Тогда это может быть только дело церкви, - сказал Анка.

- Невозможно, - уверенно возразил Далиан. - В Хикклине власть и церковь едины. Тот председатель районного совета - одновременно и верховный священник Хикклина.

Все трое замерли. Проблема снова вернулась, и стала ещё серьёзнее - погиб первый наследник семьи верховного священника. Как он мог это так просто оставить?

- Смерть тех троих детей... наоборот, дала директору компромат на верховного священника? - с сомнением спросил Орвицка.

Какой компромат мог заставить верховного священника и его семью проглотить такую обиду?

Надевей привёл слуг: троих камердинеров, разнорабочего и прачку – всего девять человек. Все они были молодыми, красивыми и статными мужчинами. У четверых из них была смуглая кожа, а у троих – почти такая же, как у Далиана. Похоже, они были не просто слугами, а рабами.

Девять напуганных людей вошли, и семеро из них первым делом посмотрели на Далиана. Вероятно, они узнали красную форму. У некоторых в глазах промелькнула зависть, а у других – жгучая ревность и даже ненависть.

На этот раз Орвицка не попросил Далиана и остальных уйти, и начальника Надевея тоже оставил.

- Ваши хозяева мертвы, – сказал Орвицка. – Вы знаете, что вас ждёт?

Говорил Орвицка, но все девять человек смотрели на Далиана. Их взгляды были сложными, они словно спрашивали: "Почему? Почему они стоят здесь, словно ожидая суда, а "тот" стоит там, рядом с судьями?"

- Хотите жить? – спросил Орвицка.

Девять человек взглянули на него, восемь опустили головы, и только один местный заговорил:

- Как вы гарантируете, что мы останемся живы?

- Я не полицейский из Хикклина. Я могу вас вывезти и поселить в месте, где хикклинцы вас не найдут, дать вам работу. Конечно, не такую лёгкую, как сейчас. Начальник Надевей это подтвердит.

Мужчина кивнул:

- Меня зовут Оливар Дейн, я камердинер господина Дориена Доминика. Спрашивайте.

- Оли! – крикнул его товарищ.

Оливар обернулся:

- А что ещё? У вас есть лучший способ? По крайней мере, можно попробовать, – его тон был небрежным, он казался безразличным. – Спрашивайте, господа полицейские.

Он был единственным камердинером погибшего из пятого "Б", того самого племянника председателя.

Орвицка, прежде чем задать вопрос, не удержался и посмотрел на начальника Надевея – расследовали так долго, и неужели не допросили этих слуг?

- Не смотрите на тех полицейских, господин офицер. Они спрашивали, многие спрашивали, но никто не обещал нам жизнь. И... – он посмотрел на Далиана, – у вас есть метис-полицейский, значит, вы, наверное, более надёжны, чем местные консерваторы, и не сделаете нас козлами отпущения?

Этот камердинер не узнал значок, он принял Далиана за обычного полицейского, но никто его не поправил.

Однако начальник Надевей всё же потёр грудь, ему было немного душно и тяжело дышать.

Он допрашивал этих слуг. Тогда они все опустили головы, а когда на них давили, выглядели испуганными. Тот самый, который сейчас говорил Далиану о доверии, если он не ошибался, даже рыдал.

- С вашей точки зрения, кто хотел бы убить вашего хозяина?

- ...Многие, - вздохнул Оливар. - Потому что ему нравились мужчины.

Все королевские полицейские: "..."

Трое из Рыбьего Хвоста одновременно посмотрели на начальника Хикклина.

Надевей сделал вид, что не заметил их взглядов, особенно тех тонких намёков во взглядах этой парочки. Но в конце концов он не выдержал и достал платок, чтобы вытереть пот со лба.

- Сколько ему было лет? Вы уверены?

Мальчики могут рано осознать свою сексуальность, в одиннадцать-двенадцать лет, но определиться с ориентацией - не так рано. Конечно, это было основано на собственном опыте Орвицки. Он сам окончательно понял, кто ему нравится - мужчины или женщины - только в старших классах. А некоторые его знакомые-геи осознавали это только после женитьбы, что было связано с влиянием общества.

Что касается Орвицки в этой жизни... в его школе-пансионе мальчики тоже начинали интересоваться более глубокими тайнами после двенадцати лет, но это было потому, что в школе не было девочек.

Орвицка думал, что в школах-пансионах к играм между мальчиками относятся снисходительно, но оказалось, что здесь всё по-другому.

- Он прикасался к интимным местам одноклассников и проявлял к этому интерес.

Орвицка удивлённо поднял бровь. В его школе на Голубой планете в третьем-четвёртом классе на каждой перемене в задней части класса собиралась группа мальчиков, которые "сталкивались" друг с другом и лапали друг друга. Если у кого-то случалась "эрекция", остальные тут же начинали дразнить. Это были не самые приличные развлечения мальчиков.

Конечно, Орвицка в этом не участвовал. Но те, кто участвовал, выросли гетеросексуалами, а в начальной школе так себя вели просто из любопытства.

- А двое других мальчиков?

- Нашему юному господину не нравились мужчины. - Наш юный господин просто попал под раздачу, - остальные слуги тоже перестали молчать.

Под активные рассказы девяти человек все узнали, что юный господин Доминик уже считался среди других детей извращенцем, любящим мужчин. Его избегало большинство учеников в школе, и его даже избивали старшеклассники. Но он не менялся, и даже чаще приставал к младшим или ровесникам.

Двое погибших тоже когда-то подвергались его приставаниям. Но "степень" приставаний юного Доминика, вероятно, была не серьезнее, чем игры мальчиков на перемене на Голубой планете.

Орвицка снова удивлённо поднял бровь. Этот ребёнок был хулиганом, с бунтарским духом, но точно сказать, что он гей, было нельзя. Но из-за такого поведения он, очевидно, нажил себе много врагов среди сверстников.

- Кроме этого, были ли у него с кем-то ещё конфликты?

Возможно, это отравление было направлено на юного Доминика, а ученики четвёртого класса просто попали под раздачу? И та ненормальная простуда, ограниченная четвёртыми и пятыми классами, была действительно просто простудой? Это можно было рассматривать как одну из версий, но нельзя было искать улики только в этом направлении.

- Были.

Далее Оливар вёл рассказ, а остальные восемь дополняли. Они говорили более двадцати минут. Орвицке показалось, что этот юный Доминик был чем-то вроде смеси Джан и Сунэо. Он был выше и сильнее своих сверстников, мог быть отличником, но любил унижать одноклассников разными способами, особенно любил отбирать и ломать их вещи (включая ценные предметы и домашние задания).

Сверстники и младшие, и даже некоторые старшие, становились его жертвами. Но из-за его статуса у него было несколько прихлебателей, поэтому никто не смел ему перечить, пока юный Доминик не перешёл черту, проявив интерес к мужчинам. Только тогда некоторые старшекласники взялись за него.

Но на данный момент эта информация, казалось, была бесполезной. Характер юного Доминика был ужасным, некоторые его поступки можно было расценить как издевательство. Но поскольку все ученики были из одного круга, в этой школе не было, как в романах, бедных отличников, поэтому никто не был изгоем. У тех, кого он травил, были свои друзья.

По крайней мере, с точки зрения слуг, они не знали ни одного юного господина, у которого были бы серьёзные проблемы.

<http://bllate.org/book/17916/1715912>